
УДК [81.161.1+811.512. 141] : 81' 246

ББК 81. 001. 91

М 61

Минигулова Г.З.

Аспирант кафедры русского языка Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, e-mail: g_zm@mail.ru

**Агрессия в языке и речи:
теоретические вопросы лингвистической репрезентации
(на материале русского и башкирского языков)
(Рецензирована)**

Аннотация:

Статья посвящена сопоставительному анализу русских и башкирских фразеологических оборотов, передающих агрессивное состояние и поведение человека в процессе общения. Выявлено, что проявление агрессии в разноструктурных языках имеет общее, отражающее универсальность мировидения народов и национально-своеобразное, обусловленное укладом жизни, уникальностью традиций, обычаев и этнического быта.

Ключевые слова:

Языковая/речевая агрессия, языковые средства выражения агрессии, фразеосемантическое поле, универсальное, национально-своеобразное.

Minigulova G.Z.

Post-graduate student of Russian Language Department of M. Akmulla Bashkirsky State Pedagogical University, e-mail: g_zm@mail.ru

**Aggression in language and speech:
theoretical questions on linguistic representation
(As shown by the material of the Russian and Bashkir languages)**

Abstract:

The paper deals with the analysis of Russian and Bashkir phraseological units expressing the state of aggression and human behavior in the process of communication. The authors demonstrate that the ways of expressing aggression are similar in the languages with different structures. They reflect the universal ways, by which the different peoples percept the world, and the national peculiarity caused by special way of life, traditions, customs and by life of different ethnic groups.

Keywords:

Language/speech aggression, language means of expressing aggression, phraseological-semantic field, universal, nationally-original.

Природа человеческой агрессии, истинные причины ее возникновения, поиск путей преодоления деструктивного начала в самом совершенном творении Бога – эти вопросы во все времена волновали лучшие умы человечества, вызывая всплеск научной и творческой мысли в различных областях познания мира, прежде всего, в философии, богословии и искусстве.

Вместе с тем, как предмет научного исследования человеческая агрессия стала изучаться лишь в начале прошлого столетия австрийским психологом З. Фрейдом. Согласно его теории влечений энергии двух взаимодействующих инстинктов - «первичных позывов» составляют всю психофизическую сущность человека. Энергия инстинкта жизни (Эрос, либидо) направлена на созидание и воспроизводство жизни; энергия инстинкта влечения к смерти (Танатос) – на разрушение и прекращение жизни [1]. Поведение же человека проистекает из взаимодействия этих двух инстинктов, и в случае конфликта между ними возникает агрессия как разрушение либидозных импульсов. В то же время З. Фрейд и его последователи не исключали возможность управления агрессией путем сдерживания либо трансформирования разрушительной энергии в более безопасные формы деятельности.

Основатель другой, этологической концепции агрессии К. Лоренц, перенесший свои наблюдения за поведением животных на плоскость человеческих отношений, считал, что агрессия – это один из важнейших инстинктов, служащих сохранению жизни и выживанию вида, поскольку внутривидовая агрессия обусловлена четкой иерархией, внутри которой происходит постоянная конкуренция и борьба за власть [2]. По мнению М.Л. Бутовской, в современной этологии все еще «продолжают ссылаться на раннюю идею К.Лоренца об отсутствии механизмов контроля и ритуализации агрессии у

человека» [3] в то время как «в репертуаре человека имеются глубинные этологические механизмы контроля агрессии и восстановления социальных связей <...> всплески агрессии в пределах одного социума у человека находятся под двойным контролем природных и культурных механизмов» [3].

В последующем собственно научное, предметно-экспериментальное изучение человеческой агрессии было принято Дж. Доллардом, Л. Берковитцем, С. Фишбахом, Н. Миллером, которые рассматривали агрессию как ситуативный процесс, возникающий под действием непреодолимых барьеров на пути к достижению цели, удовлетворению потребностей и других так называемых фрустраторов. Позднее фрустрационная теория была дополнена когнитивной теорией Д.Зилмана, полагающего, что осмысление и понимание фрустрирующего события может влиять на степень возбуждения, познавательную активность [4]. В теории социального научения, или бихевиористских концепциях агрессии (Б.-Э. Торндайк, Дж. Уотсон, А. Бандура, А. Басс) агрессия рассматривается как специфическая форма поведения, «усвоенная в процессе социализации человека через наблюдение соответствующего способа действий и социальное подкрепление» [5].

Различные концепции по-разному определяли агрессию человека в зависимости от того, что выступало для них теореобразующим компонентом – инстинкт, поведение (как дикий нрав), замещение, научение и др. Самым общим, но наиболее полным, на наш взгляд, является определение агрессии как любого действия, имеющего целью (не всегда осознанно) причинения вреда объекту или самому себе [5].

Языковая/речевая агрессия как отдельный предмет изучения представляет для ученых не меньший интерес, поскольку «модели агрессивного поведения, существующие в обществе, отражаются в

языке» [6]. Отдельные работы посвящены изучению имплицитной и эксплицитной речевой агрессии (В.Ю. Апресян, Л.Л. Федорова, Г.Е. Крейдлин), раскрытию коммуникативно-дискурсивного подхода в исследовании речевой агрессии (Т.А. Воронцова), вежливого/невежливого речевого взаимодействия, интолерантного общения (Л. Кастлер, И.А. Шаронов), характеристике лексики и фразеологии (М. Гловинская), исследованию экспрессивных этнонимов как примет языка вражды (А.И. Грищенко, Н.А. Николина) и др.

Наблюдается использование большого количества терминов для обозначения языковой агрессии. По мнению Р.Х. Хайруллиной, в работах которой впервые было представлено комплексное исследование агрессии в языке и речи, термины «речевая агрессия» и «языковая агрессия» следует различать в силу разных способов выражения агрессии в языке и речи, поскольку «если в речи это прежде всего фонационные и невербальные средства, речевая ситуация в целом, то в языке это лексико-грамматические средства, получившие закрепление в лексическом фонде и грамматическом строе языка» [7].

В ряду аспектов изучения речевой и языковой агрессии мы предлагаем выделить еще один – сопоставительный аспект, который, как нам кажется, логично укладывается в рамки антропоцентрической парадигмы современной лингвистики. Нами были проанализированы способы и формы выражения человеческой агрессии в русском и башкирском языках.

Предварительный сопоставительный анализ фразеологических единиц этих языков показывает, что разные народы неодинаково выражают свои негативные эмоции в речи в процессе общения. Процесс общения – это двусторонний акт, взаимодействие человека говорящего и его собеседника. Поэтому о речевой агрессии можно говорить в следующих аспектах: с одной стороны, чело-

век говорящий испытывает сам негативные эмоции, а с другой – изливает их на своего собеседника (реального или виртуального). И языковые единицы отражают этот двусторонний процесс. Например, русск. *рвать и метать* (быть в ярости, очень сердиться) и *оторвать голову* кому-нибудь. Если в первом случае фразеологизм передает отрицательное эмоциональное состояние самого субъекта безотносительно к собеседнику, то во втором случае – агрессивное действие направлено на собеседника. Поэтому все фразеологизмы можно объединить в два больших фразеосемантических поля «находиться в состоянии агрессии» и «вербальное выражение агрессии по отношению к объекту», причем объектом в последнем случае может выступать сам говорящий (аутоагрессия), собеседник и даже какая-либо конкретная ситуация или неодушевленный предмет.

Особенности агрессивного поведения человека тесно связаны с национальным характером и отражают традиции общения в западноевропейской и восточной лингвокультурах. Так, русский менталитет включает такие характеристики человека, как повышенная эмоциональность, безудержность в выражении эмоций, экспрессивность, открытость, что проявляется в семантике языковых единиц всех уровней. Однако эта речевая агрессия является только вербальным замещением его истинных намерений. Восточные же народы, в силу своих культурных традиций, более сдержанны в общении, для них существуют неписанные законы социально дифференцированного общения (по возрасту, социальному статусу, семейной иерархии коммуникантов).

Такая разница речевого поведения человека находит выражение и относительно его деструктивного речевого поведения. Прототипическими ситуациями многих русских фразеологизмов является ситуация нанесения физического ущерба другому (*выпустить кишки, пересчи-*

тать ребра), словесного оскорбления (смешать с грязью, пригвоздить к позорному столбу). В то же время во фразеологии восточных народов наблюдаются более изощренные прототипические ситуации нанесения физического или психического вреда человеку. Например, башк. йөн йоттороу (букв. заставить глотать шерсть), кан илатыу (букв. заставить плакать кровавыми слезами) и др.

С целью выявления национального своеобразия во фразеологическом выражении речевой агрессии в русском и башкирском языках проведем сопоставительный анализ оборотов двух вышеуказанных фразеосемантических полей.

Фразеосемантическое поле «находиться в состоянии агрессии». В результате систематизации фразеологических оборотов с этим доминирующим значением можно выделить три группы устойчивых единиц: 1) внешнее описание человека, находящегося в состоянии агрессии (позы, цвет лица, голос, выражение глаз - маркеры агрессивного состояния); 2) психофизиологическое состояние самого человека (изменение температуры тела, нарушение психофизиологических норм организма человека); 3) агрессивное действие субъекта безотносительно к объекту.

Первыми признаками агрессивного состояния человека является его внешность. У него расширяются глаза, зрачки, краснеет лицо, повышается голос. Уже по этим признакам определяется степень агрессивного состояния человека. Например, русск. *глаза из орбит вылезают, краска прилила к лицу*; башк. сикә кызарыу (букв. краснеют виски), һеләүһен уйнау (букв. (на лице) играет рысь).

В состоянии агрессии изменяется душевное и физиологическое состояние человека – он негодует, сердится, выражает гнев, что оказывает влияние на его соматические процессы. У него повышается температура, человек покрывается потом, пятнами, испытывает боли в сердце, ему

не хватает воздуха, таким образом, субъект переживает физический и душевный дискомфорт. Например, *глаза наливаются кровью, перехватило дыхание (от злости, негодования), желчь кипит у кого*; башк. кан/һарыу кайнау (букв. кровь/желчь кипит у кого), күз тоноу (букв. глаза застилает пелена), талак ташыу (букв. селезенка переполняется у кого). Наконец, агрессивное состояние человека непосредственно выливается в его действия, хотя и безотносительно к объекту. Телодвижения его становятся беспорядочными, неконтролируемыми, нарушается координация частей тела. Например, *рвать и метать, метать громы и молнии, выпустить пар*; башк. ағыу/ен сәсеу (букв. распространять/извергать яд/беса), ене котороу (букв. нутро бесится у кого).

Фразеосемантическое поле «вербальное выражение агрессии по отношению к объекту». Данное фразеосемантическое поле объединяет в своем составе несколько тематических групп: 1) угроза физической расправы. Прототипическими ситуациями таких оборотов является нанесение физического ущерба. Такое агрессивное поведение может реализовываться с помощью каких-либо орудий (камень, нож, кулак); 2) нанесение морального ущерба (оскорбление, унижение, клевета, проклятие).

Фразеологические обороты этих двух групп имеют своеобразный компонентный состав, символизация которых формирует фразеологический образ. Национальная специфика агрессивного поведения субъекта по отношению к объекту в таких фразеологизмах выражена более ярко, что обусловлено особенностями вероисповедания, традиций и обычаев народа в области межличностных отношений. Например, библейское *пригвоздить к позорному столбу* и зафиксированное в мусульманских священных книгах наказание неправедных – башк. эн! күзәүенән үткәреү (букв. заставить пройти сквозь игольное ушко).

Фразеологические обороты генетически описывают физическую расправу над человеком – от нанесения физическое увечья до лишения жизни. В таких фразеологизмах частотными компонентами являются соматизмы (голова – баш, горло – боғаз, сердце – йөрәк, рука – кул, нога – аяк, ребра – кабырға, глаз – күз, кровь – кан), наименования различных предметов, с помощью которых наносятся увечья (камень – таш, кулак – йозрок, нож – бысак, дубина – күсәк, кандалы – кандала, силки – тозак), наименования элементов одежды (шапка – бүрек, подол – итәк), обозначение места расправы (дорога, колея – юл, седло – эйәр), название животных и частей их тела, на которые направлено агрессивное воздействие, в результате ассоциации человека с этим животным (рога – мөгөз, хвост – койрок, хребет – һырт, холка – ял).

Например, русск. *оторвать голову кому, перегрызть горло кому, давать волю рукам, показать кузькину мать, драть как Сидорову козу, намять бока, пить кровь*; башк. башын кыркыу (букв. отрезать ему голову), ете кат тиреһен тунау (букв. содрать семь шкур – ср.: русск. *семь шкур спустить*), кан ялатыу (букв. заставить лизать кровь), ауызынан кара канҫын ағызыу (букв. лить черную кровь изо рта кого), он-талкан итеу/яһау (букв. превратить в муку-талбан), билен (арка һөйәген) һындырыу (букв. сломать поясницу/хребет), күк талак итеу (букв. превратить в синюю селезенку), койроғон кысқартыу (букв. укоротить хвост), энә менән тиреһен тунау (букв. свежевать шкуру/кожу иглой).

Не менее тяжелым для человека является нанесение морального ущерба в результате оскорбления, унижения, ругани. Особо нужно сказать о фразеологизмах с компонентами *душа, сердце, кровь*, что символизирует внутренний мир человека, его гармонию с самим собой и миром. В русском и башкирском языках та-

ких фразеологизмов большое количество, что, на наш взгляд, говорит о том, что моральное оскорбление человека по степени его воздействия более губительно для души человека. Например, русск. *облить грязью, без ножа зарезать кого, нож в сердце кому*; башк. ете атаһына етеу (букв. дойти до седьмого отца (колена), эт тиреһен битенә/башына каплау (букв. накрыть собачьей шкурой лицо кого), йөрәккә ук булып казальу (букв. вонзаться стрелой в сердце), йәнде ашау (букв. поедать душу кого).

Следует отметить, что во фразеологическом фонде сравниваемых языков имеется большое количество межъязыковых фразеологических параллелей, существование которых обусловлено, во-первых, общечеловеческим опытом познания, универсальностью самого человека как биологического и социального феномена, во-вторых, общим онтологическим основанием для формирования фразеологической образности. Если голова человека является символом жизни в разных культурах, то описание ситуации ее отчленения от тела, естественно, будет означать смерть человека: *голову оторвать (кому), не сносить головы – башка етеу (букв. дойти до головы), башына һуғыу (букв. ударить по голове)*. Можно выделить абсолютные эквиваленты: *пересчитать ребра – бабырғаһын һанау, лить (пролить) кровь – кан койоу, нож на нож – бысакка бысак килеу, портить кровь – канды бозоу, без ножа резать – бысакһыз һуйыу* и др.

Большой интерес вызывают башкирские фразеологизмы, отмеченные национально-культурным своеобразием. Ситуации агрессивного поведения говорящего часто относятся к специфике образа жизни башкирского народа. Кочевой образ жизни, скотоводство как основной тип хозяйствования стали источником многих башкирских фразеологизмов. Например, некоторые единицы имеют в качестве прототипов ситуации све-

жевания зарезанного скота – тереләй тунау (букв. заживо свежевать), тереләй һуйыу (букв. заживо заколоть), һырт кайышын алыу (букв. снять/вырезать ремень из кожи хребта); другие включают в свой состав компоненты, обозначающие части туловища зарезанного животного, предметы труда, ремесел – йөн йотто-роу (букв. заставлять глотать шерсть), елеген киптереу (букв. сушить костный мозг), тезгенен кысқа тотуу (букв. держать поводья короткими) и т.д.

Таким образом, проявление языковой агрессии имеет место в разных языках. Особенности вербальной репрезентации агрессии отражают универсальные свойства личности, его общественного и социокультурного развития. А этнокультурное своеобразие языковых единиц, отражающих агрессивное состояние субъекта, обусловлено культурой народа, его вероисповеданием, традициями и обычаями. И языковая картина мира отражает это в полной мере.

Примечания:

1. Фрейд З. «Я» и «Оно». – Тбилиси: Мерани, 1991. – 403 с.
2. Лоренц К. Агрессия: так называемое «зло». – М.: Прогресс, 1994. – 297с.
3. Бутовская М.Л. Современная этология и мифы о нарушенном балансе агрессии – торможения у человека // *Общественные науки и современность*. – 1999. – №4. – С.128, 134.
4. Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия. - СПб: Питер, 1999. – 352 с.
5. Щербинина Ю.В. Вербальная агрессия. – М. – КомКнига, 2006. – С. 14, 51.
6. Григорьева. О.Н. Откуда берется зло // *Электронный журнал «Полемика»*. www.igex.ru.
7. Хайруллина Р.Х. Минигулова Г.З. Речевая агрессия: универсальное и национально-своеобразное // *Ното loquens в языке, культуре, познании: Сборник научных статей. К 75-летию профессора Р.З. Мурысова. Ч.1 /отв. ред.З.З. Чанышева*. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. – С.333-337.